

В журнале «Знамя» (№ 8—9 и 10) напечатан новый роман — «Сталинград» Виктора Некрасова. Время действия ограничено периодом с июля 1942 до февраля 1943 года, место действия в основном — Сталинград.

Впрочем место действия еще более ограничено, события главным образом происходят на батальонном участке: шестьсот метров по фронту, полтора километра в глубину, до берега Волги, на котором расположен КП полка, — вот и все.

Ограничено и круг героев романа: это средний командный состав Красной Армии. Лишь два рядовых бойца занимают место на первом плане книги, но и они — офицеры командиров.

Следует еще точнее определить среду, которой посвящено главное внимание писателя, — это преимущественно пришедшие из запаса некадровые командиры.

Уже из этого одного видно, какую ограниченную задачу решает писатель и как не соответствует существу книги ее название.

Что привлекает нас в романе Некрасова?

Война тяжела, сурова. Некрасов рисует неприкрашенную и точную картину боя. Метр за метром описывает он эту изрытую и липкую землю переднего края. Война — тяжкий, непрестанный труд: у солдата мозги не сходят с ладоней, а когда в батальоне остается столько людей, скольким положено быть во взводе, — с лодатай и киркой не расстается и командир. В описаниях атаки не пропущена ни одна минута. Не потерянно ни одно ощущение — вплоть до того, как под огнем станкового пулемета начинает казаться, что чувствуешь ветер от шуля...

По Ремарку, по Олдингтону в кромешном дыму войны должно происходить постепенное и нарастающее озлобление героя против всех и вся, постепенное отступление человека, когда одна из другой гибнут иллюзии, надежды, идеалы, когда из человека он превращается в жрущую и пьющую скотину... Мы знаем, какую зловонную дыру морального распада загнала война то поколение буржуазной интеллигенции, которое самое себя окрестило «проклятым». Такова адская жухня несправедливой, неправой войны.

Что же происходит с героями романа В. Некрасова — молодым архитектором Юрием Керженцевым или с аспирантом Фарбером? Не утрачивают ли они силы душевые, не ограничивается ли мир их духовных потребностей?

Нет, нет и нет! Более того, эти люди, как и все те, кто соединяет их воинскую семью, растут, душевно богатеют, нравственно крепнут на войне.

В первых главах книги мы узнаем героя в обстановке самой трудной, когда он утратил столь необходимую для солдата связь с боевым коллективом. «Приказ об отступлении» — совершение неожиданного — так начинается роман. Вначале это событие воспринимается, как событие из жизни данного полка. Но постепенно, медленно нарастает лавина все более тревожных, все более грозных признаков опасности. Картина ширится. Теперь это уже не эпизод из боевой истории полка. Попрежнему мы видим события глазами лейтенанта Керженцева, от лица которого ведется повествование. С остатками своего подразделения он бредет по горячей донской степи «прямо на восток по азимуту сорок пять». Но с каждым десятком километров, по мере того, как входят в книгу беглые, почти мгновенные видения брошенных станиц, шумных переправ, унылых обозов и колонн отступления, — с каждым десятком километров этого скорбного пути растет тревожное чувство, растет у героя ощущение личной вины и ответственности.

Почти вся первая часть книги является как бы вступлением к тому, что должно произойти в Сталинграде. Длинный путь испытаний проходит люди. Но все это — бедствия, потери, тревога, жертвы — еще более закаляет людей, как бы подготавливая их к свершению того, ни с чем не сравнимого подвига, которым была оборона Сталинграда. В этом смысле характерен эпизод первой контратаки Керженцева, когда, переправившись под огнем на правый берег Волги, он внезапно, «с хода», принял командование батальоном и повел его из рвущихся к берегу немцев. Тут все поведение героя — это то, что можно определить словом «доверился» — наконец, после долгих, томительных дней отступления, дорвался до возможности грудью встретить врага, схватиться с ним и ожесточению бить его! Если может быть восторженное чувство боя, то оно именно в этом эпизоде воодушевляет Керженцева и передается читателю.

Грозное лето 1942 года!.. Мы знаем, какие силы должны были соединиться, чтобы именно в этот момент так круто, решительно и навсегда повернуть ход войны. Понадобилось напряжение всех могучих ресурсов, созданных и организованных нашим социалистическим государством, всей силы советской индустриальной державы, чтобы осуществился невиданный по размаху и смелости гениальный стратегический план вождя.

И самым главным из брошенных под Сталинград ресурсов нашего отечества, самой главной опорой верхового командования в принятии великих исторических решений была душа, воля, сознание советского человека, воспитанные и закаленные за четверть

столетия. В книге Некрасова сказано многое о том, что было основой успеха, — о душе советского человека, который не примирился, не потерял веру, не захотел стыда и позора, но всю страсть и волю посвятил борьбе.

Мы уже указывали, как ограничил автор пределы своего повествования. Но за это еще не следовало бы критиковать его. Тут нет греха.

Совсем другое дело — идея ограничения произведения, его узость — не пространственная, а духовная.

Можно представить себе книгу, которая давала бы совсем крохотный участок жизни — в десятка раз меньший, чем участок батальона, совсем небольшое число действующих лиц — например, одну семью, одно отделение бойцов, один экипаж самолета, одни бригады на заводе, и все же это могла бы быть настоящая книга, если бы в ней, как солнце в капле воды, отразился целый мир. Такие книги существуют. Как бы ни были велики масштабы событий, явлений, идей, — все же они могут быть отражены в малом.

Но сможет ли книга дать представление о Великой Отечественной войне, сможет ли она сказать всю правду о людях, которые, подобно героям Некрасова, спорят и самоуверенно исполняли свой патриотический долг, — если она, к примеру, ни разу некоснется темы врага, темы фашизма? Некрасов, повидимому, считает свой роман реалистичным — действительно, он проявил много наблюдательности, был точен в описании военного быта, и это является одной из привлекательных черт книги. Но он забыл, что картина битвы не может быть правдивой и полной, если она не говорит нам, против чего, против кого сражаются герои. Нет никакого сомнения, что Керженцев и его друзья, реальные герои Сталинграда, которых описывает Некрасов, были воодушевлены величественной идеей уничтожения фашизма, как врага нашей советской Родины, как врага всего жития и прогрессивного в мире. Если бы этого не было, не было бы и подвигов, которые с такой замечательной точностью изображает Некрасов. Но книга не знакомит нас с этой стороной духовной жизни своих героев.

В равной мере писатель может в своей книге не входить в подробности биографии героев, но тема времени, тема страны, воспитавшей этих людей, не может быть им обойдена, ибо без этого нельзя понять самоуверженного героизма воинов Сталинграда. «Жили, учились, о чём-то мечтали, — т-р! — все полетело — дом, семья, институт, супружество, история архитектуры, Парфеновы...» Это почти все, известное нам о прошлом архитектора Керженцева. Об одних героях книги мы узнаем больше, о других меньше, но, — странная вещь, — все это жизни, индивидуально обособленные, все это судьбы какие-то вне временных... Между тем, более пристальное, более заинтересованное внимание писатель к этим людям дало бы нам возможность ощутить за пределами того времени и места, которые являются непосредственным предметом книги, всю великую страну, вырастившую это поколение, всю великую эпоху, воспитавшую его.

Керженцев — архитектор, Фарбер — аспирант математических наук, Игорь Свицерский — художник. Молодой писатель сделал попытку показать нашу новую, советскую интелигенцию на войне. Но ее идеальный кругозор гораздо шире, ее духовный мир богаче, чем это изобразил Некрасов.

«На войне никогда ничего не знаешь, — читаем мы в книге, — кроме того, что у тебя под самым носом. Не стреляет в тебя немец, — и тебе кажется, что во всем мире тишина и гладь, начнет бомбить — ты уже уверен, что весь фронт от Балтийского до Черного моря задвигался».

Это и верно и неверно. Верно в той степени, в какой это относится к фактическому положению бойца на переднем крае, куда не всегда информация во-время доходит и где не всякая информация нужна.

Неверно же это потому, что Некрасов нарочито подчеркивает отрезанность, от единственность ротного или батальонного участка от всего остального фронта и от всего остального мира.

Вот пример. День 19 ноября 1942 года. Начальник сообщает инженеру полка Керженцеву:

— Сегодня в шесть ноль четьи мы перешли в наступление... Вы понимаете, что это значит?

«Пока что мне понятно только одно, — замечает про себя Керженцев: — до начала наступления осталось десять часов и обещанный мной на сегодняшнюю ночь отдых для бойцов — первый за последние две недели — безнадежно срываются».

В этом есть что-то искусственное. После почти трехмесячной, невиданной по напряжению обороны наступил день, который должен увенчать все усилия, — и вдруг Керженцеву — человеку, пережившему всю оборону Сталинграда, отдавшему вместе с другими защитниками города все, что может отдать человек, именно за то, чтобы наступил, поскорее наступил этот момент великого возмездия, — и вдруг Керженцеву «пока что понятно только одно».

Но вот прошло несколько дней, и обстановка прояснилась: взят Калач, Кривая Муга, Абганерово. Не нужно было быть командиром, не нужно было находиться в это время в Сталинграде, чтобы в свете таких событий увидеть всю грандиозность происходящего, понять взаимосвязь и направленность всего того, что раньше представлялось разобщенным и поборье ясным. Разве не понял каждый воин Советской Армии именно в эти дни цель и смысл гениальной сталинской стратегии?

Надо думать, что и Керженцев понял, что он жил тогда не только событиями своего подразделения, но также и тем величественным, что происходило на фронте в целом и частицею чего были события в 184 полку.

Но Некрасов не считается с этим. Может быть, ему представляется, что абсолютная, дистиллированная документальность, которой он придает огромное значение, будет нарушена, если Керженцев начнет видеть дальше и шире чем это позволяет его полевой бинокль!..

Некрасов недопустимо ошибается.

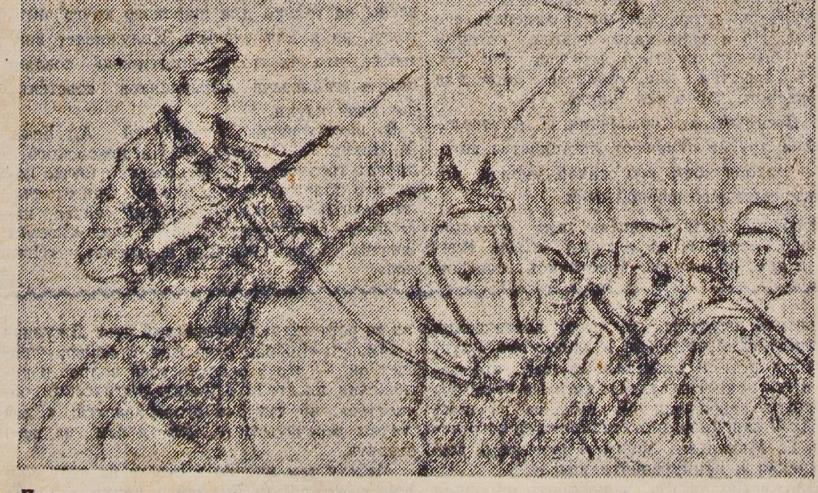
Недавно изательство «Молодая гвардия» выпустило сборник писем и дневников воинов Красной Армии — «Жизнь солдата». Здесь — человеческие документы потрясающей силы. Замечательнейшая черта этих рядовых людей — широта взгляда, огромный об'ем интересов, политическая зрелость и живая заинтересованность в самых широких вопросах жизни Родины и человечества.

Герои Некрасова в духовном, идеальном отношении бедней, чем эти люди, не ставшие еще героями литературных произведений. Ограниченностю кругозора Юрия Керженцева — это не только свойство героя, но и идеальная слабость романа.

«Сталинград» — первая книга Некрасова. Можно напомнить о судьбе нескольких книг, которые также были первыми у писателей и также касались только что пережитой войны. В двадцатых годах впервые пришел в литературу Дмитрий Фурманов, он принес «Чапаева», книгу, кстати сказать, абсолютно точную фактографически. Пришел Фадеев с «Разгромом». Эти книги были живы и в мирные годы, когда они учили бороться за социализм, и в пору Великой Отечественной войны. Как же получилось, что книги, описывавшие гражданскую войну, пережив целую эпоху мирного строительства, участвовали в качестве боевого оружия в Отечественной войне? — Такова сила идей, которыми исполнены эти произведения.

Недостаток идеальной страсти, ограниченность идеального кругозора — вот что определило все слабости романа В. Некрасова.

Невольно думаешь об утраченных молодых писателях возможностях, об удивительной силе, которую могла бы приобрести его книга.

Партизан ведет пленных.

Из Фронтового альбома А. Кокорина.